

На правах рукописи

Петросов Тигран Артемович

**КОНСТИТУИРОВАНИЕ ИСТИНЫ В ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ
МЕДИАКОММУНИКАЦИИ**

Специальность 09.00.01 – Онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Краснодар – 2021

Работа выполнена на кафедре философии ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»

Научный руководитель — Змихновский Сергей Игоревич
кандидат философских наук, доцент

Официальные оппоненты: Билалов Мустафа Исаевич
доктор философских наук,
профессор, ФГБОУ ВО «Дагестанский
государственный университет» (ДГУ),
заведующий кафедрой онтологии и
теории познания

Губанов Николай Николаевич
доктор философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский
государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана» (МГТУ
им. Н.Э.Баумана)

Ведущая организация — ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет», (г. Ростов-на-Дону)

Защита состоится на заседании диссертационного совета
Д212.029.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при
Волгоградском государственном университете 25 марта 2021 г. в 14.00
по адресу 400062, г. Волгоград, проспект Университетский, 100, ауд.
4-01 А.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Волгоградского государственного университета и на официальном
сайте университета <http://www.volsu.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 20__ г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук,
доцент

Виктория Анатольевна Храпова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Последние десятилетия мы наблюдаем революционные изменения медиатехнологий и их стремительную экспансию на все сферы деятельности субъекта. Эти изменения сопровождаются трансформацией нематериальной культуры и социальных отношений, в связи с чем фокус внимания постнеклассической гносеологии смещается с содержания информации на транслирующие её медиаструктуры. Процессы, детерминирующие современную информационно-коммуникационную среду, оказывают значительное влияние на ментальность субъекта. В связи с этим вопросы конституирования, устойчивости, структуры и статуса таких базовых онтогносеологических категорий, как категория истины, требуют новых исследовательских подходов, рассматривающих свой предмет в перспективе корреляции субъекта и окружающей его медиасферы. Данным положением обуславливается актуальность теоретического порядка.

В современной эпистемологии рассмотрение субъекта предполагает не абстрагированное от среды, исключительно рационалистическое понимание его когнитивной и поведенческой деятельности, но рассмотрение субъекта во всё более сложных структурных связях с окружающей естественной и технологической действительностью. В связи с этим фокусирование внимания на специфике конституирования истины для субъекта в процессе существования в определённой информационно-коммуникационной среде, среде медиа, выступает актуальным направлением исследования для теории познания.

Несмотря на обширный корпус исследований, посвященных проблеме истины для сознания, на наличие широкого концептуального разнообразия определения категории истины и её онтогносеологического статуса с позиций различных философских школ и традиций, сложившихся в истории философии, а также продолжающих исследовательскую

работу сегодня, именно в указанной взаимосвязи с медиа категория истины является малоисследованным феноменом.

Определение сущностных свойств истины, условий их формирования, а также вытекающих из них поведенческих реакций и выстраиваемых отношений может способствовать более глубокому пониманию структуры и процессов человеческого существования в современной технологичной среде. В то же время разработка представленной темы способствует углублению понимания организации и функционирования самих медиа. Следовательно, взаимодействие субъекта с медиатехнологиями и получаемой информацией, с одной стороны, а также социальное и индивидуальное информационно-коммуникационное пространство, с другой, могут регулироваться более осмысленно и целенаправленно. В названных аспектах заложена актуальность практического порядка.

Степень разработанности проблемы. Исследование влияния медиа на сознание субъекта имеет несколько различных направлений.

Уже античные философы в некоторой степени затрагивали вопросы корреляции средств образования и воспитания с воспитываемыми в человеке качествами. В частности, в Платоновом диалоге «Федр» мы находим знаменитую критику письменности как ослабляющего память и интеллектуальный контакт средства мнимой мудрости.

В трудах Э. Хэвлока, посвященных исследованию греческой литературы от Гомера до Платона, прослеживаются черты изменения мышления, используемой лексики и речевых конструкций, авторских приемов и содержания произведений в связи с переходом от устной культуры к письменной. Автор, таким образом, аргументированно предполагает наличие прямой связи между средой (устная или письменная) и спецификой ментальности. Идеи Хэвлока также оказали значительное влияние на труды Г. Инниса и М. Маклюэна. Несмотря на масштабность трудов Хэвлока и его идейного предшественника А. Лорда, в отечественной философской литературе, посвященной теме медиа, они мало используются.

Другая линия исследований, посвященных теме влияния медиа, в частности, средств массовой информации и коммуникации и их продуктов, берет своё начало от Франкфуртской школы неомарксизма. В своих работах М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм обращались к феномену культуриндустрии, её тотальному влиянию (принудительный мимезис) на индивида и социум. Особенно важными для данного исследования являются работы В. Беньямина, в которых рассматривается вопрос о специфике репродуцируемой посредством фотографических медиа реальности. Приблизительно в схожей парадигме двигались французские философы Г. Дебор и Ж. Бодрийяр, разрабатывавшие описание современного капиталистического общества, ценности которого перестали иметь под собой субстанциональность. С позиций семиологии производство мифов современной массовой культурой рассматривалось Р. Бартом, У. Эко.

Третьим направлением исследований в области корреляции медиасферы и сознания субъекта следует полагать работы М. Маклюэна, который, основываясь на идеях Г. Инниса и Л. Мэмфорда, к 1964 разработал всеохватывающую теорию влияния медиа на различные стороны человеческого существования и заложил основы комплексного подхода медиаэкологии. Данная традиция была продолжена такими исследователями, как У. Онг, Н. Постман, Э. Эйзенштейн, Э. Карпентер.

В философских работах второй половины XX века, посвящённых проблематике «медиа-субъект», а также в современных исследованиях рассматривается широкий круг тем и проблем. В частности, вопросы изменения ментальности субъекта в связи с внедрением управляемых и интерактивных медиа (Л. Манович), аттрактивности медиаобразов и изменения скорости, характера реакций в связи с ними (Н. Больц, П. Вирильо), императивного характера использования образов и инструментов медиа (В. Флюссер), влияния медиа на социально-экономические и культурные процессы (Д. Рашкофф), феноменологический аспект перцепции и аффектации сознания

цифровыми визуальными образами, феноменология взаимодействия с виртуальной реальностью (М. Хансен), общая характеристика и различия современной техногенной и письменной коммуникационной среды и их влияния на субъекта (Л. Страт), специфика нематериальности медиаобразов (Д. Кампер, К. Вульф), психодинамика чтения в контрасте с обращением к электронным медиа (Д. дэ Кирхофф, Д. Олсон) и некоторые другие.

Тему влияния процесса и средств коммуникации на общественный и индивидуальный этос рассматривали такие теоретики, как П. Лазарсфельд, Г. Д. Лассуэл, Ю. Хабермас, П. Бурдьё, Э. Гидденс, Г. Рэйнгольд, М. Кастельс, Н. Луман, Э. Тоффлер, А. Молль, Г. Шиллер и др.

Среди современных российских исследователей, в трудах которых рассматривается феномен корреляции медиа и сознания, следует отметить таких авторов, как В. В. Савчук (сложившиеся концепции и достижения в исследованиях медиа, феномен фотографии, специфика рефлексии в медиасфере), Г. Р. Хайдарова (специфика телесных состояний и ощущений в связи с современными медиа – феномен боли), Н. Б. Кириллова (разработка комплексной дисциплины на стыке философии и ряда гуманитарных наук: «медиалогия»), Ю. Р. Селиванов (диалектико-феноменологическое исследование медиа и воспринимающего сознания), А. И. Черных (концептуальное сопоставление средств массовой коммуникации и информации с институтами отправления ритуалов, мифологическая составляющая медиа), также И. И. Засурский, Е. Л. Вартанова, К. А. Очеретяный, Д. В. Скрипченко, М. А. Куртов, Д. А. Колесникова и др.

Таким образом, мы видим, что в корпусе философской литературы, посвящённой проблематике «медиа-субъект», истина в её корреляции с медиакommunikацией не рассматривалась в качестве самостоятельного предмета исследования.

Объект исследования - когнитивные аспекты медиакommunikации.

Предметом исследования является конституирование истины в процессе современной медиакommunikации.

Цель исследования: раскрыть специфику конституирования истины в процессе современной медиакommunikации, а также динамику её свойств.

Для достижения обозначенной цели необходимо решить следующие задачи:

1) раскрыть специфику сознания, формируемого в процессе устной коммуникации;

2) выявить специфику сознания, фундированного письменной коммуникацией;

3) проанализировать специфику сознания, возникающего в современной медиакommunikации;

4) раскрыть основные характеристики истины, формируемые в процессе устной коммуникации;

5) выявить механизмы взаимосвязи особенностей письменной коммуникации с формой репрезентации истины;

6) определить условия конституирования истины в процессе современной медиакommunikации, её специфику, а также её новые свойства.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в первичности эксплицитного раскрытия феномена истины для сознания в процессе современной медиакommunikации. Материалы, тезисы и аргументы данной работы могут послужить развитию дальнейших исследований феномена корреляции «медиа-субъект» в новой перспективе и критической переоценке сложившихся идей об истине как таковой.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования данных материалов и полученных результатов для чтения общих и специальных курсов по онтологии и теории познания и медиафилософии. Материалы данной работы могут быть использованы для разработки и экспертизы медиапроектов.

Методы исследования.

Для раскрытия особенностей логической и эстетической категоризации сознания в среде образов медиа необходимым методом выступил компаративный анализ различных посредствующих инстанций. В связи с этим использовался также метод историко-философского анализа, необходимый для рассмотрения различных медиасфер: устной коммуникации, основных форм письменности, современной сферы новых медиа – в их специфике для субъекта.

Важнейшим же методом прояснения собственно того образа, которым сознанию являются феноменальные объекты, то есть образы перцепции и категоризации, выступил метод феноменологического рассмотрения активности субъекта, при котором важно описание специфики внутренних состояний и переживаний сознанием явленности феноменальных объектов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В процессе устной коммуникации посредством естественного языка возможность рефлексии и строго отвлеченного рационального познания минимальна, воспринимаемые объекты и события не отделяются субъектом от его образов и переживаний. В зависимости от степени интенсивности восприятия и переживаний объектов и событий, мир в сознании разделяется на сакральное и профанное, создавая гетерогенную структуру множества мифологизированных представлений.

2. С появлением звуко-буквенного письма и распространением письменности сознание обретает новое феноменальное измерение: устная живая речь превращается в фиксированные и неизменные концепты и их синтетическое единство – текст. Актуализация сознанием текста переживается как абстрагированная от непосредственного присутствия последовательность прояснения смыслов. Субъект обретает возможность концентрации на смысловых структурах, где искомым являются прояснённая и целостность понимания этих структур, в процессе чего сознание усваивает привычку абстрактного мышления и смысловой упорядоченности при обращении к объектам опыта.

3. При обращении сознания к образам, производимым новыми медиа, оно притягивается к ним с большей интенсивностью, чем к являемому в жизненном мире, в силу их эмоциональной насыщенности и синтетического характера, повышающего аттрактивные качества. В образах медиа сознание утрачивает ощущение субстанциональности и телесности в связи с отсутствием их реальной пространственности и возможности телесного контакта.

4. Основной характеристикой истины, формируемой в процессе устной коммуникации, является отсутствие в ней рефлексивной идеи субъективности. Истинным здесь выступает самораскрытие бытия, его простая явленность в синтезе с переживаниями самого субъекта, что приближает истину мифологического сознания к идее истины, представленной в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. В отличие от неё истина мифа не стремится преодолеть субъектно-объектный разрыв, а просто не имеет его в качестве предпосылки.

5. Чертами истины, фундированными письменной коммуникацией, являются семантическая когерентность и эмпирическая корреспондентность. Истина полагается как субъективная идея, она дискурсивна и может приобретать авторитарный догматический характер.

6. В процессе современной медиакommunikации сознание стремится не к целостности смысла, а к получению эффектов от восприятия аттрактивных медиаобразов, вследствие чего истина в смысле корреспонденции и когеренции логоса для сознания теряется. Неадекватной является и истина мифологического сознания, так как за образами медиа для сознания не стоит никакой субстанциональности, а за эффектами образов – сакральности. Истина в этом случае обусловлена интенсивностью эффекта восприятия в связи с содержательными скачками при обращении к различным объектам опыта, а также мимезисом стиля образов медиа.

Научная новизна исследования:

- уточнены представления о роли и влиянии устной коммуникации субъекта на характер формируемых у него знаний и образов;

- раскрыты специфика и механизмы обращения субъекта к письменному тексту как к определённой феноменальной данности и их влияние на конституирование рефлексивности истин его сознания;

- проанализированы особенности явленности для сознания субъекта образов новых медиа в современной медиакommunikации и результаты взаимодействия субъекта с ними. При этой интеракции теряются феноменальные качества субстанциональности и телесности;

- установлено отсутствие рефлексивности истин мифологического сознания, формируемых устной коммуникацией;

- описан механизм конституирования истины и специфика рефлексивности истины в процессе письменной коммуникации;

- раскрыты особенности и результаты конституирования истины в процессе современной медиакommunikации.

Апробация результатов исследования.

Основные тезисы и полученные в результате исследования выводы обсуждались на заседаниях кафедры философии Кубанского государственного университета. Материалы исследования отражены в 8 научных публикациях, 4 из которых опубликованы в научных журналах, включенных в перечень ВАК, общим объёмом 2,5 печатных листа. Тезисы по материалам исследования также были апробированы на следующих конференциях: Международная научно-практическая конференция «Философские контексты современности: принцип РАТЮ и его пределы», Ижевск, 2020; Третья российская научная конференция «Диалектика и диатрибика», Ростов-на-Дону, 2017; «Философия религии и теология в духовном пространстве современного университета», Краснодар, 2017.

Структура и объём исследования. Диссертация состоит из введения, 2 глав, включающих 6 параграфов, заключения и списка использованной литературы из 131 наименования, в том числе 42 наименований на иностранных языках. Общий объём диссертации – 159 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы исследования и изложена степень её разработанности, определены объект, предмет, цель и необходимые для её достижения задачи исследования, описаны методы предпринятого исследования, указана научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы, сформулированы положения, выносимые на защиту. Также приведены сведения об апробации результатов исследования, структура и объём исследования.

В первой главе «Развитие форм медиа в их корреляции с сознанием субъекта» проводится анализ специфики трёх взаимосвязанных и исторически следующих друг за другом медиа, выступающих фундаментом социокультурного мира человека. На этой основе раскрывается специфика непосредственного влияния каждого средства коммуникации на сознание субъекта.

В параграфе 1.1 «Сознание в процессе устной коммуникации» устанавливается концептуальная связь между понятиями «медиа» и «коммуникация». Медиа – то есть посредник – является необходимым условием возможности коммуникации. И в то же время медиа существуют постольку, поскольку существует коммуникация. Таким образом, понятие «медиа» и «коммуникация» являются неотделимыми аспектами одного феномена. Исходя из этого, термин «медиа» используется для обозначения человеческих средств коммуникации независимо от применяемых технологий, в том числе и устной формы коммуникации бесписьменных обществ.

На основании проводимого анализа утверждается непосредственная взаимосвязь между формой организации бесписьменных обществ, а также их мифологической основой и устной формой коммуникации. Полагается, что устная коммуникация обуславливает замкнутую социальную организацию в силу невозможности физического отделения и передачи речи. Социум и индивид, таким образом, функционируют в условиях непосредственного присутствия.

При этом форма устной коммуникации эстетически нагружена в связи с непосредственностью и естественной эмоциональной вовлечённостью в рамках любых интеракций.

Далее рассматривается сама мифологическая форма сознания. Ядром данной формы полагается неразделённость для субъекта собственной эстетической и интенциональной активности и воспринимаемых внешних объектов. В силу этой неразделённости, а также в силу того, что характер перцептивных и других феноменальных актов всегда специфичен, что конкретность данности феноменов для субъекта всегда различна, закрепление в памяти взаимосвязей и объектов, их свойств, носит случайный характер.

В связи с тем, что сознание не отделяет собственную активность от объектного восприятия, интенсивность переживаний выступает разницей онтологического порядка. Этим обуславливается онтологический статус категории сакрального, которая имеет в качестве основания необычное, неординарное при перцепции. Закреплённое в сознании в качестве имажинативного образа, в качестве воспоминания, такая перцепция противопоставляется феноменально менее интенсивному – обыденным и бытовым практикам. Это задает структуру мира мифологического сознания, разделённую на сакральное и профанное.

В связи с этим многие объекты обыденного существования выступают для сознания двояким образом: с одной стороны, в качестве непосредственно себя самих, а с другой, в качестве того, что одновременно есть и нечто иное – что может быть актуализировано в качестве сакрального. Причём для самого субъекта это не выступает противоречием, так как для его феноменальной данности представление о иной, сакральной форме объекта, которая отличается от его обыденной формы, является просто поглощающим эту менее интенсивную форму данности фактором. Сознание не обнаруживает противоречие не потому, что его логика иная, отличная от логики рациональных операций, а потому, что сам факт специфики феноменальной данности для сознания есть факт онтологической данности. Таким образом, отвергаются

тезисы исследователей, полагавших фундаментальную алогичность мифологического сознания.

Исходя из данных характеристик выводится ряд следующих специфических аспектов сознания субъекта: в мышлении отсутствуют чистые абстракции, отделённые от материи их восприятия (абстрагированное от всякой воплощённой формы понятие Бога или геометрической фигуры); возможность переноса одних качеств перцепции на другой феноменальный объект целиком, не разделяя влияние на соразмерные части – принцип *pars pro toto* (сакральный артефакт полностью распространяет свою силу на владельца, владение именем – на именованный этим именем объект или персону); гетерогенность, но при этом непротиворечивость для самого сознания представляемого им космоса, так как сакральных историй и мифических образов присутствует множество.

Далее рассматривается специфика устной коммуникации для выявления непосредственной взаимосвязи с формой мифологического. В результате анализа выводятся следующие положения: слово при непосредственной коммуникации неотделимо от акта своего существования, произношения. Слово, следовательно, не имеет характера статичного объекта, не имеет характера абстрактного значения, которое можно было бы рассматривать вне конкретной живой интеракции и вне его осуществления. Акт устной коммуникации, следовательно, есть явление, непосредственное присутствие, которое переживается, а не осмысляется. Для устной традиции, которая имеет место в бесписьменных обществах, таким образом, мифический нарратив обладает феноменальной и, тем самым, онтологической интенсивностью и достоверностью относительно обыденного положения дел (миф переживается острее, чем рутинная деятельность). Слово выступает в качестве события, явления бытия, что фундирует также необходимость воспроизведения сакральных историй и мифических нарративов, их актуализацию. Устная традиция не обнаруживает противоречия между своими сакральными историями, так как их онтологический статус не вызывает

сомнений, в связи с этим возможна множественность мифического.

Далее делается вывод о том, что устная традиции полагает закрытость для сознания рефлексии и абстрагирования от феноменальной интенсивности непосредственных интеракций, что фундирует мифологическую форму перцепции и категоризации.

В параграфе 1.2 «Письменная коммуникация и её влияние на сознание» даётся характеристика историко-типологических форм письменности: пиктографии, которая заключается в изображении объекта референции, имеет характер непосредственной схожести между знаком и его денотатом; идеографии, которая, развиваясь из пиктографии, представляет собой обозначение через изображение не самого предмета, а ассоциируемых с ним идей и смежных понятий. Идеография становится более абстрактной системой письменности, хотя и сохраняет изобразительный характер. Далее следует рассмотрение фонетического письма, которое в чистой форме, развиваясь из пиктографии и идеографии, представляет собой связь между абстрактным, лишенным образного сходства знаком и обозначаемым звуком или звуками. Своё оформление чисто фонетическая письменность впервые получает в консонантных (передаются только согласные звуки) семитских системах письма, в частности, в финикийской. Из финикийской системы возникает древнегреческая звуко-буквенная азбука, а за ней звуко-буквенный принцип распространяется на многие культуры.

На данной эмпирико-теоретической основе проводится анализ непосредственного влияния глубокой интериоризации звуко-буквенного письма на характер восприятия и структурирования перцептивного материала субъектом. Письменное слово, в отличие от устного, появляется для сознания в качестве фиксированного объекта, в качестве концепта в этимологическом значении (conceptus – «схваченный»). В связи с фиксированностью и идентичностью слова, оно является сознанию как смысл, отделённый от непосредственного мира, но являющийся в качестве

самостоятельного феноменального объекта. Это положение влечет за собой следующее: в связи с необходимостью для сознания развёртывания смыслов текста, субъект абстрагируется от эстетической интенсивности интеракции с собственным окружением и с необходимостью (для прояснения смысла) вступает в состояние погруженности, сосредоточения исключительно на смыслах слов и являемых в связи с ними феноменах. Письменность не выводит сознание за пределы этого актуального развёртывания текста, но создает последовательную направленность явления и прояснения смыслов. Это измерение последовательности, возможное благодаря сосредоточению на смыслах и отвлечению от непосредственного окружения, не может быть бессодержательной формой, но выступает содержательной структурой, которая фиксирует соотношения, порядок смыслов относительно друг друга. Это специфичная форма протекания и упорядочивания смыслов при глубокой интериоризации для сознания далее может выступать также формой упорядочивания других, не только текстуальных, феноменальных объектов. Это обуславливает интенцию сознания к упорядочиванию собственного опыта и его подведению под собственные концепты, к установлению удовлетворительных смысловых связей. Таким образом, можно говорить об историческом продвижении сознания к явлению, названному Гераклитом «логос» (но не о его конструировании), к теоретизированию как таковому.

Для подкрепления полученных тезисов приводятся эмпирические данные, свидетельствующие о непосредственной взаимосвязи абстрактного мышления и личной грамотности, с одной стороны, предметно-образного и функционально обусловленного мышления и безграмотности, с другой; о непосредственном историческом следовании распространения звуко-буквенной письменности и появления теории и философии.

Утверждается, что иные системы письменности имеют другую феноменальную специфику данности субъекту. В частности, пиктография не развёртывает перед сознанием

измерения абстрагированной речи, так как восприятие изображений представляет собой вид объектной данности. Прочтение идеографии представляет собой дешифровку визуально данных образов, которые также не вводят в последовательность чистых смыслов, выраженных в речи. Также, что существенно важно, развитые системы идеографического письма представляют собой сложноорганизованные символические системы, которые не могли выступать полноценным функциональным замещением потока речи, будучи сложными в освоении и функционально ограниченными в связи с образностью. Консонантные системы письма в силу возможных разночтений и недостаточной степени ясности и простоты восприятия являлись функционально, тематически и социально ограниченными.

Таким образом, только система звуко-буквенного письма была достаточно доступной для использования и восприятия, чтобы выступать полноценным субститутотом речи и иметь возможность для фиксации выражения индивидуального мышления в его абстрагировании, что открыло для субъекта феноменальное поле теоретизирования.

В параграфе 1.3 «Сознание в сфере современной медиакommunikации» рассматриваются особенности современных медиа и их влияние. Анализируется функциональная и содержательная составляющая современных медиа. Утверждается, что новейшие средства массовой коммуникации включают в себя все предшествующие функции и возможности посредника коммуникации, в частности, визуальную, аудиальную, кинетико-визуальную составляющие, а также возможность генерирования и синтеза этих типов информации в самих медиа. Рассматривается технологическая и функциональная специфика и краткий ход становления предшествующих средств коммуникации и информации.

Для прояснения используемой терминологии полагается, что понятие «современные медиа» и понятие «новые медиа» совпадают. Под новыми медиа понимается функциональное и технологическое единство аудио-, видео-, кинетико-визуальных

возможностей, компьютеризированная и сетевая среда, обладающая интерактивными возможностями.

Визуальные образы, транслируемые в медиасреде, характеризуются более высокими качественными показателями резкости, контрастности, чёткости, фокуса, неограниченным уровнем детализации, что оказывает определённое влияние на изменение состояния сознания. Синтетические визуальные образы, с одной стороны, выступают реалистичными, подобными непосредственному восприятию, а с другой стороны, – они более реальны, более интенсивно переживаемы, чем непосредственные образы. С точки зрения качеств своей перцепции для сознания они более аттрактивны. Синтетические визуальные образы тем самым выступают как субстрат зрения, который устраняет все естественные помехи и предоставляет чистый эффект визуального.

В то же время для субъекта в пространстве обыденного существования данность его окружения, непосредственная конкретность присутствия, воспринимаемая, главным образом, визуально (объекты взаимодействия, предвосхищения телесного контакта, расстояние) вне рефлексии не отделяется от самого субъекта. Таким образом, визуальное выступает конкретной данностью существования субъекта.

Следовательно, визуальные медиа являются сильными аттракторами в силу того, что они являются визуально более интенсивными и более насыщенными образами присутствия, чем те, что субъект обнаруживал при непосредственном взаимодействии. При этом, обращаясь к синтетическим образам медиа, субъект теряет ряд эстетических переживаний, в частности, переживание «ауры» (по терминологии В. Беньямина) объектов. Под аурой понимаются те качества, которые субъект вне и до рефлексии вкладывает в объекты при визуальном контакте – пространственную протяженность, реальную телесность. Более того, для субъекта всякий объект (культуры или природы), в силу своей исключительности, обусловленной указанными качествами, является местом пересечения и актуализации всех тех рассудочных и эстетических значений, которые субъект в связи с обращением к

этому объекту переживал. Таким образом, объект непосредственного взаимодействия, естественного визуального поля обладает неповторимыми феноменальными свойствами, которые теряются в связи с обращением к образам новых медиа, так как в силу своей бестелесности и отсутствия пространственных характеристик они не могут вызывать аналогичных переживаний.

«Оцепенение» сознания перед синтетическим визуальным пространством средств коммуникации ведет к противоречивым ощущениям, вызванным, с одной стороны, несознательным предпочтением и стремлением пребывать в медиасреде, а с другой, к ощущению пустоты, отсутствию возможности узнавания базовых феноменальных качеств воспринимаемых объектов. В итоге сознание стремится к достижению эффектов увлечения и развлечения посредством смены медиаобразов сохраняя собственную пассивность, что технологическая сторона новых медиа позволяет осуществлять.

Во второй главе «Категория истины и её формы, фундированные определённой медиасферой» анализируется истина как категория для сознания субъекта в связи с его конкретной медиасферой.

В параграфе 2.1 «Концепции истины и истина, формируемая в процессе устной коммуникации» исследуются существующие в западной философии концепции истины и подходы к её пониманию. Анализируются ключевые положения раннегреческих философов досократического периода, истина в понимании Платона, корреспондентная концепция истины, сформулированная Аристотелем и, в классическом виде, Исааком Израэли и Фомой Аквинским (истина есть соответствие мысли и объекта). Далее рассматривается основывающаяся на корреспондентной семантической концепции, предложенная А. Тарским (формализация и предложение разделения языка-объекта и метаязыка), а также подходы к понятию истины ведущих представителей аналитической философии. Анализируется когерентная концепция истины, полноценно представленная в философии Нового Времени и немецкой классической

философии (непротиворечивая система знаний); конвенциональная концепция истины (истина – условное положение, которое удовлетворяет работе с фактами и более удобна, чем другие сходные варианты положений), изложенная в теоретических работах А. Пуанкаре, представленная также поздними трудами Л. Витгенштейна и работами Т. Куна; прагматическая концепция истины, представленная в исследованиях Ч. Пирса, У. Джеймса (истина – это идея о чувственных последствиях деятельности). Рассматривается также подход к истине, представленный в феноменологии Э. Гуссерля, заключающийся в представлении о её замкнутости на сфере идеального, где объективность выносится за скобки; герменевтический подход, представленный трудами Х.-Г. Гадамера, который заключается в придании онтологического статуса интерпретации, где истина понимается как правильно понятый язык бытия; идеи философии постмодернизма, ядром которых является отказ от признания всеобщей истины.

Особое внимание в связи с целями исследования уделяется феноменологической онтологии М. Хайдеггера. Полагается тезис: истинное в данном подходе заключается в раскрытии подлинности присутствия, которое является как додискурсивная самодостоверность. То есть речь идет о познании вне субъект-объектной метафизики. Этот подход является основанием для раскрытия истины мифологического сознания.

Отсюда исследование переходит непосредственно к рассмотрению специфики истины, формируемой в процессе устной коммуникации для мифологического сознания. Являемое для мифологического сознания предстает как синтез живого единства объектов. Впечатление от конкретной перцепции замыкается на себе, все эффекты и переживания, которые оно вызывает, не покидают саму эту перцепцию, в связи с чем для субъекта акт восприятия синтезирует полученные образы и впечатления как единое, которое имеет определённые части (различается внутри себя), но является самодостаточным и не выводящим за собственные пределы.

Однако, если для сознания в связи с активизацией памяти возникают образы, которые более интенсивны в аспекте переживания, то они могут выступить основанием для вновь получаемого образа, и тогда последний перестаёт быть завершённым и обоснованным внутри себя, но категоризируется предшествующими образами. В обоих случаях истинное для сознания – это самодостоверность являемого. Истинное не различается на субъективное и объективное, так как феноменологическое и онтологическое не разделяются. Истина уже есть в связи с явлением событий и образов. Она может быть или в самом являемом, или, как более общее, в предыдущем, ранее сакрализованном. При этом сознание не полагает ошибок собственного мышления, и в случае несовпадения ожиданий и осуществляемых для их реализации действий, полагает изменение в самом бытии или недостаточность этих действий.

Отличие от концептуального подхода М. Хайдеггера обуславливается изначальным отсутствием предпосылки разделения мира на объект и субъект, тогда как феноменологическая онтология стремится её преодолеть.

В параграфе 2.2 «Истина, фундированная письменной коммуникацией» рассматривается специфика истины для сознания в связи с письменной коммуникацией. Раскрывается феноменальный характер проявления смысла для субъекта при обращении к зафиксированному тексту. Смысловое целое воспринимаемого синтаксиса не равно смыслам отдельно стоящих слов. Это смысловое целое концептуализирует соответствующие семантические референции внешнего мира.

Смысловое единство цельной мысли может полностью или частично приниматься сознанием или отвергаться. Однако даже при отвержении сознание направлено на формирование принимаемого, подходящего смыслового единства.

При утверждении некоторого цельного смысла всё, что для сознания подпадает под область этого смысла при непосредственном восприятии, находит в мысли собственное обоснование. Являемые объекты внешнего мира или его репрезентации понимаются и синтезируются именно через связанность с концептами мысли. Это положение не отменяет

возможных эстетических эффектов при непосредственном контакте с окружающими объектами в жизненном пространстве. Но эти эффекты теперь не выступают категоризирующими, что имело место в мифических образах, но являются как нечто несущественное относительно смыслов. Субъект имеет более упорядоченную картину мира относительно мифологического сознания, однако может колебаться относительно предпочтения собственной активности: эстетически наполненное существование в интеракции с окружающей средой противостоит теоретической активности субъекта или эта активность остается эмоционально и эстетически ненаполненной.

Характер феноменальных актов таков, что полной идентичности между двумя актами быть не может. Это касается и последовательного теоретизирования, мышления. С одной стороны, в силу социальной и психологической природы языка, мышление дискурсивно, находится в конкретных социокультурных условиях, с другой, актуализация любой мысли проявляется всегда уникально, даже если содержательно аналогичные мысли возникали для субъекта и ранее. При актуализации мысль может связываться с иными, чем ранее, выводами, трансформироваться в некоторой степени, подвергаться отрицанию, синтезироваться с иными мыслями, разворачиваться из мышления в представление.

При этом сознание идентифицирует себя как активность собственного мышления, отделённого от воспринимаемых объектов внешнего мира, которые мышлением категоризируются. Однако в своей собственной активности сознание обнаруживает множественность, характер постоянного изменения мыслей и концептов. В отличие от объектов внешнего мира, концепты субъекта не являются стабильными и самоожесточенными. В связи с этим субъект противопоставляет свою ментальную активность сфере объективного.

Сознание стремится к построению таких концептов, которые удовлетворяли бы целостности и когерентности в рамках феноменального движения мысли, связанных с ней иных

возникающих мыслей, образов и в то же время не выступали противоречивыми относительно внешних перцепций, связанных с ними воспоминаний и представлений. Это двойное условие является критерием истинности для сознания.

В параграфе 2.3 «Истина, конституируемая в процессе современной медиакоммуникации» рассматривается специфика истины для субъекта, существующего в сфере новых медиа.

При обращении к образам новых медиа сознание устремляется к получению эффекта, а не развёртыванию смысла. Считывание образа происходит совершенно иным образом, чем чтение текста: объекты композиции не имеют необходимой последовательности, могут игнорироваться, воспринимаются только центральные для сюжета и наиболее аттрактивные объекты образа, причём в относительно произвольном порядке. Считывание образа не континуально, но фрагментарно. При подобном восприятии наиболее притягательных частей интерес теряется, как только образ схвачен в этом отношении.

Образы не вербализуются в сознании, их явление не имеет характера речи. Они воспринимаемы как физическая данность. Визуальные образы с необходимостью конкретны, что не позволяет сознанию разворачивать абстрактные категории и имажинативные акты в процессе их восприятия, не позволяет выходить в поле теоретизирования. Эти образы самодостаточны в своём содержании и представлении.

В то же время между визуальными образами отсутствует синтагматическая и тематическая связанность. В отличие от актов мышления и обращения к тексту, актуализация множества сменяемых визуальных образов выступает в качестве несвязанной серии содержательных скачков, между которыми сознание не проводит опосредующей связи, но лишь переключается для получения эффекта. Даже если сознание обращается к кинетико-визуальным образам, объединённым одним сюжетом (анимация, видео), их конкретная данность и характер их восприятия не разворачиваются в абстрактные и отсутствующие в самой этой визуальной данности смыслы, так

как восприятие образов в их смене удовлетворяется в связи с прояснением их композиционной основы и аттрактивных объектов при отсутствии внутренней речи и теоретизирования.

Таким образом, сознание при взаимодействии с интерактивными медиа стремится к получению эффекта от актуализации аттрактивных образов независимо от их смысловой связанности, этот процесс континуален только по времени, по своему принципу он является серией скачков внимания. Даже текстуальная информация, включённая в мультимедийный контент, воспринимается сходным образом. Сознание стремится к быстрому прояснению основных смыслов текста, не погружаясь в возможное протягивание субъективных смысловых связей, которые не содержатся в самом этом контенте. Как только первичный интерес к актуализации текста удовлетворен, сознание сразу переключается на следующий медиаобраз. Текст здесь, будучи соположенным с визуальными, кинетико-визуальными образами, аудиальной информацией, не создает нужных условий для феноменального поля теоретизирования. Это обусловлено теми же свойствами новых медиа: интенсивными перцептивными качествами синтетических визуальных элементов. Аудиальная информация сопутствует визуальной и позволяет субъекту испытывать ощущения непространственного, внутреннего характера, что выступает дополнительным привлекающим и сдерживающим фактором.

При этом с точки зрения определения сознанием вида того или иного объекта, воспринимаемого через медиа, отличие от непосредственных перцепций отсутствует (субъект определяет, к примеру, собаку, графически синтезированную, как «собаку», подобно непосредственной перцепции животного). Подобный характер восприятия размывает границы реального и виртуального. Однако медиаобразы, будучи феноменально интенсивными, существуют для сознания как впечатления. Эти впечатления носят характер чистого эффекта, свободного от феноменальных качеств ауры и телесности, которые наделяли предметы сакральными свойствами. Различные сферы мифологических представлений, имеющие своим основанием

различные сакральные истории, теряются. При этом отсутствует и когерентность смысловых построений.

При интериоризации феноменальных актов подобного характера субъект теперь движется не по принципам семантической непротиворечивости и не по принципам мифологического сознания. Для субъекта теперь существенным является получение эффекта, которое возможно за счет интенсивного переживания. Последнее вызывается посредством содержательных скачков. Причём синтагматическое, тематическое несовпадение, диссонанс здесь являются положительным фактором, так как они усиливают проявляющийся эффект впечатления, развлечения. Подобные акты выходят за пределы одних медиаобразов и становятся привычными для существования в целом. Истина для сознания в процессе современной медиакоммуникации имеет характер не теоретической когеренции и эмпирической корреспонденции, не характер простого неререфлексивного обнаружения бытия. Истина – это подражание стилю (форме выражения) полученных через медиа впечатлений, а также семантические скачки, приводящие к интенсивным эффектам, развлечению, которые сознание совершает при коммуникативных и поведенческих актах.

В **заключении** делаются выводы и оцениваются перспективы работы.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Научные статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ

1. Петросов, Т.А. Характер феноменальной данности визуальных образов новых медиа для субъекта / Т. А. Петросов // Общество: философия, история, культура. – 2020. – №3. – С.31-33 (0,34 п. л.).

2. Петросов, Т. А. Логика истины: о необходимости и невозможности / Т. А. Петросов // Философская мысль. – 2017. - №10. – С. 34-40 (0,46 п. л.).

3. Петросов, Т. А. Логика истины в сфере медиа и медиатехнологий / Т. А. Петросов // Вестник Московского

государственного областного университета. – 2017. - №1. – С. 54-61 (0,38 п. л.).

4. Петросов, Т. А. Проблемы корреляции реальности медиа и медиатехнологий со сферой имажинации / Т. А. Петросов // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т.9, №3. – С. 230-237 (0,36 п. л.).

Научные статьи, опубликованные в других научных изданиях

5. Петросов, Т. А. Письменное слово как социокультурное условие раскрытия рациональности субъекта / Т. А. Петросов // Философские контексты современности: принцип ratio и его пределы: сборник статей I Международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 180-182 (0,17 п. л.).

6. Петросов, Т. А. Медиа-инстанция в отношении к мифическому и рациональному сознанию / Т. А. Петросов // Традиции и инновации в массовой коммуникации: материалы Первой региональной очно-заочной научно-практической конференции. – 2017. – С. 47-50. (0,29 п. л.)

7. Петросов, Т. А. Влияние медиатехнологий на восприятие и представление о времени / Т. А. Петросов // Традиции и инновации в массовой коммуникации: сборник научных трудов. – 2016. – С. 114-119. (0,32 п. л.).

8. Петросов, Т. А. Медиатехнологии как конститутивы форм мифического сознания в современной России / Т. А. Петросов // Наследие И. Ю. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: материалы Второй Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 220-222. (0,17 п. л.).

